

УДК 930(474.5)

М. Е. Мегем

«РУССКАЯ ЛИТВА» В КОНЦЕПЦИИ Н. Г. УСТРЯЛОВА

Рассмотрена концепция «Русской Литвы» Н. Г. Устрялова, в которой история средневековой Литвы представляется как часть русского прошлого. Прослеживаются деятельность министра народного просвещения в 1830 – 1840-е гг. С. С. Уварова и другие факторы, повлиявшие на формирование официального нарратива о русском характере Великого княжества Литовского. Обращается внимание на место концепции Н. Г. Устрялова в историографии первой половины XIX в.

This article analyses Nikolai Ustryalov's concept of "Russian Lithuania," which presents the history of medieval Lithuanian as part of the Russian past. The author examines the career of S. S. Uvarov – Minister of National Enlightenment in the 1830 – 1840s, as well as other factors behind the official narrative about the "Russian character" of the Grand Duchy of Lithuania. The paper stresses the significance of Ustryalov's concepts in the Russian historiography in the first half of 19th century.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Н. Г. Устрялов, С. С. Уваров, национальная политика в Российской империи в первой половине XIX в.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Nikolai Ustryalov, Sergey Uvarov, national policy of the Russian Empire in the first half of the 19th century.

В отечественной исторической науке первой половины XIX в. средневековая Литва воспринималась в первую очередь как завоеватель и опасный соперник. История Литвы сама по себе не была актуальным предметом исследований — к ней обращались только при анализе русско-литовских отношений. Образ этой страны формировался путем

противопоставления категорий «свой» — «чужой» (см. подробнее: [14]). Однако существовала и другая, не очень характерная для первой половины XIX в. позиция относительно литовского прошлого.

Альтернативный взгляд появился после первого Польского восстания 1830—1831 гг. Осмысление причин «польского бунта» и участия в нем литовцев побудило по-новому трактовать историю Литвы, представив ее прошлое как «наше». Первым таким трудом, включившим прошлое Литвы в русскую историю, стала работа петербургского историка Н. Г. Устрялова «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1839) [1].

Это исследование появилось не случайно. Реконструкция Н. Г. Устряловым литовской истории была связана с представлениями С. С. Уварова о прошлом Литвы, а также с так называемой «уваровской триадой» — «Самодержавие, Православие, Народность» [2, с. 121]. Еще будучи попечителем Петербургского учебного округа, С. С. Уваров высказался о важности проведения конкурса на лучший учебник по истории. Заняв в 1833 г. должность главы Министерства народного просвещения Российской империи, он претворил эту идею в жизнь. В 1836 г. министр объявил конкурс по написанию учебника российской истории и разослал циркуляры по учебным округам [Там же, с. 116—117].

Т. А. Володина, анализируя письма С. С. Уварова, пришла к выводу, что для него крайне значимым было толкование проблемы отношений Литвы и Польши с Россией. Взаимодействие Польши и России на историческом поприще, многочисленные войны между ними виделись министру своего рода «болевыми точками настоящего», поэтому он поставил перед авторами учебника задачу умело обойти эти «подводные камни» [Там же, с. 117, 119].

Одним из претендентов на победу в конкурсе мог стать авторитетный в 1830-е гг. историк и публицист М. П. Погодин, занимавший тогда пост заведующего кафедрой русской истории Московского университета. Но министр народного просвещения не оценил по достоинству «Начертание русской истории для училищ» М. П. Погодина, поскольку его не устроил ряд моментов, в том числе позиция автора касательно польской и литовской истории [Там же, с. 120]. М. П. Погодин представил прошлое Руси и Литвы как историю борьбы двух врагов. Литва в его учебных пособиях выступала «завоевателем» западных и южных российских областей [3, с. 122, 126—127]. Вдобавок талантливый публицист, согласно Т. А. Володиной, «не слишком акцентировал “русскость” Западного края. Для него все эти территориальные приобретения были законны и благодетельны потому, что присоединялись славянские земли. Такое прочтение истории в глазах Уварова должно было выглядеть не слишком привлекательно; такая концепция была сомнительна внутри страны и опасна за ее пределами» [2, с. 120].

Ровно через год Министерством народного просвещения было объявлено, что ни одна работа так и не представлена на конкурс. Вместе с тем С. С. Уваров публикует циркуляр, согласно которому в гимназиях до особого распоряжения необходимо использовать учебник Н. Г. Уст-

рялова «Русская история» [4]. Т. А. Володина предполагает, что министр заранее, еще до объявления конкурса, сделал выбор в пользу Н. Г. Устрялова, работы которого были построены в соответствии с канонической формулой С. С. Уварова [2, с. 121]. В довершение всего трактовка Н. Г. Устряловым «сложных вопросов» русской истории, включая русско-литовское прошлое, совпадала со взглядами министра.

Н. Г. Устрялов в духе традиции первой половины XIX в. пишет о литовских племенах как о полудиких, грубых, свирепых язычниках [4, с. 130], живших в дремучих лесах «в бедности, в грубом невежестве» [Там же, с. 129; 1, с. 34] и регулярно нападавших с целью грабежа на своих соседей [Там же, с. 130, 160]. До первой половины XII в. этот «едва заметный в нашей истории» малочисленный народ прятался от походов русских князей в своих лесах, изредка платя скудную дань [Там же, с. 129–130]. В XIII в. Литва, «движимая духом завоевания» [Там же, с. 125], начала захватывать русские земли. Новгород и Псков благодаря усилиям Александра Невского смогли отразить натиск язычников, после чего балтский народ сконцентрировал свои силы на южном направлении, и «отсеle история Литвы тесно связана с историей юго-западной Руси» [Там же, с. 131]. Большая заслуга Н. Г. Устрялова состоит в том, что он, описывая причины успеха восточной политики Литвы в XIII в., кроме раздробленности Руси [1, с. 16], татаро-монгольского владычества [4, с. 129–130], силы и храбрости Литвы [1, с. 34] отметил также «иные средства» [4, с. 160]. Под ними историк понимал «благоприятные обстоятельства», которые сложились в XIII и XIV вв. для Литвы: смешение родства между русскими и литовскими князьями, удачную политику литовских властителей [4, с. 160; 1, с. 16], их мудрость и дальновидность [1, с. 34].

Чтобы интегрировать литовское прошлое в русскую историю, Н. Г. Устрялов обозначил особый характер государственности Великого княжества Литовского (ВКЛ): в результате удачных действий Гедимина и его потомков русское и литовское племена «сливались в один народ, в котором Русский язык, Русская вера, Русские уставы должны были господствовать» [4, с. 138]. ВКЛ для него — это русское государство, где литовцы исчезали «в огромной массе Русского народа» [1, с. 16]. Балты перенимали православную веру, русские законы, обычаи, нравы, язык [4, с. 138]. В конечном счете в XIV в. складываются две системы — Московская и Литовская [1, с. 41], соперничество между которыми есть «распря семейная, а не вражда народная» [Там же, с. 36]. В работе Н. Г. Устрялова литовский князь Гедимин гордится «именем Русского князя». Политика Литвы и Москвы, заключающаяся в собирании русских земель, тождественна: «Русскими против Русских» действуют литовские и московские правители [Там же, с. 34].

В доказательство «русскости» ВКЛ Н. Г. Устрялов приводит сведения, иллюстрирующие отношение к Литовскому государству жителей русских земель, присоединенных к Литве, их современников из Твери, Новгорода, Рязани, а также русских летописцев. Первые воспринимали

ВКЛ как «отечество» [1, с. 19, 38], вторые смотрели на литовских князей как «на истинных Государей Руси» [Там же, с. 17], третьи рассматривали борьбу между Москвой и Вильно как «брани удельные» [Там же, с. 28], а не народные [Там же, с. 29]. Согласно концептуальному подходу профессора кафедры русской истории Петербургского университета, два центра, склеивающие осколки Руси, рано или поздно обязательно должны объединиться: «мысль о соединении обоих государств в одно целое ни в той, ни в другой стороне никогда не исчезала» [Там же, с. 25].

Ученый закладывает фундамент антипольских настроений, присущих отечественной исторической науке второй половины XIX в. Кревская уния, по его мнению, являлась точкой исторического излома, после которой «священному залогу народности» в совместном литовско-русском государстве стали угрожать поляки [Там же, с. 19]. Для всего русского в княжестве это соединение оказалось «тягостным игом», «лютой язвой» [Там же, с. 38], борьба с которыми, продолжавшаяся двести лет, закончилась Люблинской унией, то есть окончательным слиянием Польши и Литвы, и, как следствие, потерей Западной Руси своей национальности [Там же, с. 19–20, 41]. Но польские «иго» и «язва» лишь на время могли задержать исторически предначертанное объединение «семьи» — Западной и Восточной Руси [Там же, с. 39]. При Екатерине II этот «странный» и «запутанный» вопрос был решен: Восточная и Западная Русь «слились» в единую Российскую империю. С тех пор начинается русская история, а литовская история «умолкает» [Там же, с. 42].

ВКЛ в трудах Н. Г. Устрялова впервые в российской отечественной исторической науке изображалось не как «враг» и «противник» Московского государства, а как один из центров собирания раздробленных русских территорий. ВКЛ было таким же русским государственным образованием, как и Московское княжество, законно претендующим на наследство Киевской Руси. Конкуренция между двумя центрами, Вильно и Москвой, должна обязательно закончиться объединением, слиянием княжеств в одно целое.

История Литвы в сочинениях Н. Г. Устрялова — это русская история [2, с. 127]. Концепция, где Литва выступала составной частью России, явно соответствовала воззрениям С. С. Уварова. Н. Г. Устрялов, используя смысловой код теории «официальной народности», включал литовцев в ареал распространения русского этноса. Как заметил А. Л. Зорин, под русской народностью С. С. Уваров понимал не этническую группу, характеризующуюся общностью происхождения, а сообщество граждан, преданных церкви и престолу [5, с. 36–37]. Согласно видению Н. Г. Устрялова, население ВКЛ по большей части было православным, а также верой и правдой служило своему правителю: русские подданные литовского князя воспринимали ВКЛ как свое «отечество» [1, с. 19, 38]. Получается, что ВКЛ, исходя из основных принципов доктрины «официальной народности», — русское по своей природе, и потому возвращение в Российскую империю территорий, некогда входивших в состав Литовско-Русского княжества, исторически предначертано.

Такой подход к прошлому западнорусских земель С. С. Уваров оценивал высоко, полагая, что одна из ключевых задач министерства состоит в уменьшении протестных настроений жителей Западного края по отношению к России. Учебник Н. Г. Устрялова, занимая исключительное положение в учебных заведениях, играл большую роль в формировании представлений о западных губерниях в кругу подрастающего поколения интеллигенции. Выпускник гимназии воспринимал Литву и «польский вопрос» в свете сюжетов, созданных Н. Г. Устряловым с опорой на классические постулаты «теории официальной народности» С. С. Уварова [2, с. 126].

Итогом Польского восстания стала рефлексия российского общества по поводу того, что собой представляет Россия и совпадают ли ее «ментальные рубежи» с границами Российской империи [Там же, с. 122]. В 1830-е гг. архитекторы имперского дискурса пытаются найти место прошлому Литвы в рамках русской истории и расположить территорию Литвы в идеологическом пространстве Российского государства, то есть включить Литву в состав ментальной карты Российской империи, одновременно изъяв ее из аналогичной карты Польши. Благодаря этому запускается интеграционный механизм «присвоения» территории, в котором историческая наука оказывается одним из ключевых инструментов, позволяющих с помощью исторических фактов доказать наследственное право собственности Руси / Московского государства / Российской империи на литовские земли. В этом ключе прошлое, пишет А. Зорин, «было призвано заменить для империи опасное и неопределенное будущее, а русская история с укорененными в ней институтами православия и самодержавия оказывалась единственным вместилищем народности и последней альтернативой европеизации» [6, с. 372]. Процесс конструирования национально-государственной доктрины, набравший ход после ноябрьского восстания 1830 г. [7, с. 136], происходил параллельно с кристаллизацией официальной идеологии об «исконно русской» родословной населения бывших восточных окраин Речи Посполитой [8, с. 111]. Русский этнос представлялся ядром, вокруг которого объединялась нерусская периферия [9, с. 423].

Проблема заключалась в том, что политика Николая I в отношении Западного края была направлена не на русификацию региона, а на поддержание сложившегося после Польского восстания порядка [10, с. 185]. Скорее всего, по этой причине темы, связанные с территориями бывших польских восточных «крес», не вызывали широкого резонанса в среде российской общественности. Всплеск антипольских настроений в 1830-е гг., последовавший за ноябрьским восстанием, постепенно шел на спад.

Русская интеллигенция долгое время все равно продолжала смотреть на Западный край как на «Польскую провинцию» [7, с. 136]. К тому же, как обнаружили М. Долбилов и А. Миллер, механизм принятия решений российскими чиновниками на местах не был связан с тезисом о «бесспорной принадлежности массы населения Западного края к “русской народности”» [8, с. 111]. Даже спустя десятилетия после пер-

вого Польского восстания правительство так и не разработало четких критериев «русскости», применимых к коренному населению [11, с. 135].

Поэтому не удивительно, что концепция литовской истории Н.Г. Устрялова не нашла поддержки в научной среде и оставалась в первой половине XIX в. единственным исключением из правил. К прошлому Литвы многие исследователи относились с большим недоверием, как к чему-то чужому. К.Н. Бестужев-Рюмин вспоминал, что Н.Г. Устрялову даже «ставили в вину то, что он внес литовское княжество в Русскую Историю» [12, с. 453].

Известный издатель и общественный деятель второй половины XIX в. Л.Ф. Пантелеев в своих мемуарах упомянул о «замечательном и совершенно исключительном диспуте», который случился в середине 1830-х гг. во время представления Н.Г. Устряловым своего «Исследования вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?». Ссылаясь на рассказ купца Н.И. Погребова, он писал, что после выступления Н.Г. Устрялова слово взял один из авторитетнейших специалистов в области истории Литвы И.Ж. Онацевич, который, приводя различные данные из источников, полностью раскритиковал работу Н.Г. Устрялова и его подход к истории Литвы. «Провал Устрялова был провалом патриотически-официальной теории», — так оценивал ситуацию Л.Ф. Пантелеев [13, с. 132–133].

Интеллектуальная общественность первой половины XIX в. не была готова к новаторским трактовкам Н.Г. Устрялова и не разделила его взгляды на литовское Средневековье, которое для большинства исследователей оставалось «чуждым» и неактуальным. Попытка политической элиты интегрировать новую картину литовского прошлого в отечественную историографию первой половины XIX в. не увенчалась успехом. О сюжетах литовской истории Н.Г. Устрялова вновь вспомнили лишь спустя двадцать лет, в преддверии второго Польского восстания 1863 г. Именно концепция Н.Г. Устрялова после польских событий 1860-х гг. легла в основу практически всех работ, посвященных литовской истории. Зерна, посеянные С.С. Уваровым и Н.Г. Устряловым в 1830-е гг., взойшли значительно позже, во второй половине XIX в.

Список источников и литературы

1. Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839.
2. Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. №2. С. 116–127.
3. Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. М., 1837.
4. Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1855. Ч. 1.
5. Зорин А.Л. Уваровская триада и самосознание русского интеллигента // Россия / Russia. Вып. 2 [10] : Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 33–43.
6. Зорин А.Л. Корня двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

7. *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 129–150.

8. *Западные окраины Российской империи.* М., 2006.

9. *Каппелер А.* Образование наций и национального движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 395–435.

10. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000.

11. *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio.* 2002. №2. С. 133–148.

12. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Рецензия на книгу «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410)». Соч. А. Барбашева. СПб., 1885 // *Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.* 1885. №10. С. 453–454.

13. *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905.

14. *Мегем М.Е.* Образ средневековой Литвы в историографии первой половины XIX века // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.* 2011. Вып. 12. С. 50–54.

Об авторе

Максим Евгеньевич Мегем — мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет БФУ им. И. Канта, Калининград.

E-mail: megem@yandex.ru

About the author

Maxim Megem, Junior Research Fellow, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: megem@yandex.ru